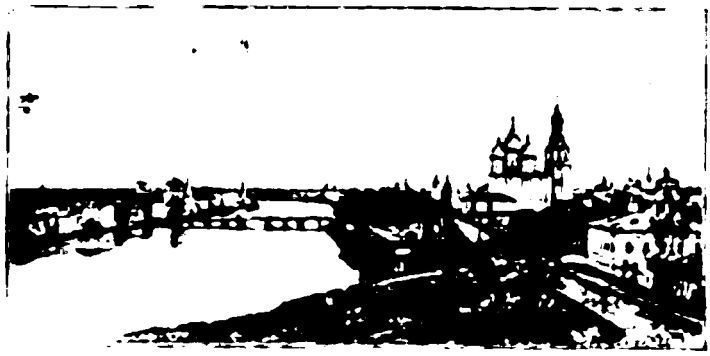

ВНѢШНЯЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВОЛОГДѢ.

(Изъ воспоминаній о 70—80 годахъ въ Вологдѣ *).

ꝏ

Съ внѣшней стороны жизнь въ Вологдѣ, конечно, не отличалась отъ таковой же многаго множества городовъ обширной матушки Руси, но имѣла и нѣкоторыя свои особенности, между коими баснословная дешевизна занимала далеко не послѣднее мѣсто. Были и другія характерныя черты, о коихъ будетъ сказано ниже. Цѣны на всѣ жизненные продукты были столь низки, что цѣлыя семьи въ 6—8 душъ, не нуждаясь, проживали на 25—30 руб. въ мѣсяцъ, считая тутъ квартиру и образованіе дѣтей. Относительно послѣдняго достаточно сказать, что, напр., годовая плата за ученіе въ реальномъ училищѣ была только 18 руб.; въ началѣ 80-хъ годовъ она была повышена до 24 руб., долго держалась на этомъ уровнѣ, а теперь, прогрессивно возрастая, учетверилась сравнительно съ первоначальной.

Ради любопытства приведу цѣны на нѣкоторые предметы первой необходимости. Такъ, напр., лучшій сортъ мяса продавался по 5—6 коп. фунтъ, телятина—3—4 коп., русское масло—18 коп., дичь: 30—35 коп.—глухарь, 20 коп.—тетеревъ и заяцъ, 20 коп.—пара рябчиковъ, утки лѣ-

*) См. „Дневникъ Писателя", 1908 г.

томъ: 10 коп.—кряковая, 5 коп.—чирокъ и т. д. Рыба, зелень, разныя ягоды и грибы—очень дешевы. Молочные продукты были отличнаго качества, доставлялись на домъ изъ подгородныхъ деревень въ оригинальныхъ берестяныхъ бураках по цѣнѣ 5—6 коп. Конечно, о какой-либо фальсификаціи тогда и понятія не имѣли. Для простого рабочаго люда существовали харчевни, гдѣ за плату въ 3 коп. можно было получить сытный обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Зимою распространеннымъ пищевымъ продуктомъ, замѣняющимъ мясо, являлась рыба треска, убійственный ароматъ которой знакомъ каждому, кто хотя разъ въ жизни видѣлъ эту рыбу горячей.

Домашней прислугѣ не было платы дороже 1—2 руб. въ мѣсяцъ. Наивысшая плата извозчикамъ была 20 коп. за любой конецъ въ городѣ. За 10 руб. въ мѣсяцъ можно было найти отличную большую квартиру. Очень дешевы были дома. Такъ, за $1^1/_2$—2 тысячи можно было пріобрѣсти двухъ этажный домъ съ обширной землею и хозяйственными постройками. Этимъ отчасти объяснялось то, что большинство обывателей, даже мелкіе чиновники, обзаводились собственными домами съ садами и огородами. Конечно, въ силу дешевизны жизни очень низко оплачивался трудъ разныхъ служащихъ и ремесленниковъ. Я хорошо помню, какъ мелкіе канцеляристы въ началѣ своей служебной „карьеры“ получали 2 рубля въ мѣсяцъ! Необычайной дешевизной жизни отчасти объяснялось и широкое гостепріимство вологжанъ, почти не требовавшее никакихъ затратъ. Забота о питаніи у мѣстныхъ обывателей хотя была и не единственной, но одной изъ главныхъ. Всякіе праздники, именины и пр. всегда сопровождались усиленнымъ истребленіемъ различныхъ яствъ и питей, хотя и не замысловатыхъ, но подаваемыхъ въ изобиліи.

Л. Д. Александровъ.

О наружности Вологды я уже говорилъ довольно подробно въ предыдущемъ очеркѣ. Добавлю только, что въ зимнее время городъ освѣщался весьма рѣдкими фонарями съ керосиновыми лампами, но далеко не всюду. Освѣщеніе окраинъ города, гдѣ въ распутицу можно было утонуть въ грязи, предоставлялось на долю луны, которая, однако, очень неаккуратно выполняла это своеобразное назначеніе. Вслѣдствіе этого съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей по всѣмъ укромнымъ мѣстамъ города шли грабежи прохожихъ разными любителями чужой собственности, тѣмъ болѣе,

что полиція была убогая и весьма немногочисленная и разсчитывать на ея содѣйствіе было довольно безнадежнымъ дѣломъ. Я лично въ дѣтствѣ не разъ слыхалъ въ глухіе осенніе вечера раздирающіе душу крики: „караулъ, грабятъ!“—которые не возбуждали ни особеннаго сочувствія, ни помощи со стороны обывателей.

Вологжане были большими поклонниками драки, въ особенности простонародье, т.-е. большинство, и очень часто устраивали въ разныхъ частяхъ города кулачные бои. Дрались и взрослые, бородачи, и мелюзга—разные подростки, преимущественно учащіеся. Напр., вѣчная (въ родѣ Алой и Бѣлой Розы) война существовала между воспитанниками духовнаго училища и городского (зданія этихъ заведеній были смежны). По большей части сраженіе происходило въ тылу рыночной Казанской площади, близъ присутственныхъ мѣстъ, въ глухомъ переулкѣ. Дрались и мелкими партіями и большими отрядами, угощая другъ друга кулаками или бомбардируя палками, камнями или комьями грязи, которая имѣлась всегда подъ рукой въ изобиліи. „Духовники“ изстари питали сильнѣйшій антагонизмъ къ „городскимъ“, послѣдніе отплачивали имъ тою же монетою. Начальство этихъ заведеній смотрѣло сквозь пальцы на воинственныя наклонности своихъ питомцевъ и даже иногда исподтишка слѣдило за исходомъ боя, вспоминая свою юность: вѣдь большинство ихъ было питомцами той бурсы, которую такъ неподражаемо описалъ Помяловскій!

Мѣщане и ремесленники устраивали бои на рѣкѣ Вологдѣ, гдѣ и сходились стѣнка на стѣнку (преимущественно на масленой недѣлѣ въ періодъ усиленнаго катанья съ горъ, кои, по заведенному обычаю, устраивались въ разныхъ пунктахъ города). Мелкія стычки происходили постоянно и лѣтомъ на всѣхъ площадяхъ (Сѣнной, Смекаловской биржѣ, Зеленомъ лугу и пр.), гдѣ въ праздничные дни шла оживленная игра въ бабки, городки и пр. Обыкновенно бой начинали подростки, затѣмъ приставали взрослые и, наконецъ, выступали бородачи въ качествѣ главныхъ силъ. Иногда роль ручныхъ гранатъ играли тухлыя яйца, которыя запускались въ физіономію врага, дабы на время вывести его изъ строя. Враждебныя отношенія всегда были между гимназіей и реальнымъ училищемъ, при чемъ стычки между той и другой стороной происходили на плацъ-парадѣ, по окончаніи ученья.

Къ сожалѣнію, я долженъ констатировать тотъ фактъ, что кулачная расправа царила и въ семейномъ быту средняго и низшаго класса вологжанъ. Положеніе женщины въ семьѣ оставляло желать очень и очень многаго.

Характерной чертой вологжанъ, въ особенности простого народа, являлось своеобразное понятіе о чужой собственности. Мелкое воровство было

сильно развито и не считалось вовсе за порокъ, такъ какъ направлено было исключительно на съѣдобное. Украсть и не попасться—считалось своего рода геройствомъ.

Подростки группировались въ цѣлыя шайки и оперировали большею частью по вечерамъ и ночамъ, во второй періодъ лѣта, когда поспѣвали яблоки, ягоды и разныя огородныя овощи—огурцы, брюква, морковь, тыква. Все награбленное, конечно, тутъ же и съѣдалось. Эти шайки, среди коихъ дѣятельное участіе принимали и великовозрастные, подъ покровомъ темныхъ вечеровъ и ночей (а также и днемъ, гдѣ удобно было) энергично обревизовывали городскіе сады и огороды, производя порядочное опустошеніе.

Наибольшей симпатіей маленькихъ экспропріаторовъ пользовались фруктовый садъ откупщика Рѣзанова (у Кирилла Чудотворца), славившійся крупными яблоками, и магарцовскіе огороды (близъ вокзала). Кромѣ указанныхъ мѣстъ, крали рѣшительно всюду: дома, у своихъ матерей, у торговокъ на базарѣ, въ лавкахъ, на ярмаркѣ. Дерзость похитителей простиралась и за предѣлы города, на близлежащія усадьбы— Ковырино, Осаново и др., а также и на подгородныя деревни, гдѣ воровали рѣпу и горохъ. Воровство было манією. Происходило все это, конечно, оттого, что родители не обращали никакого вниманія на воспитаніе дѣтей, предоставляя имъ полнѣйшую свободу въ выборѣ удовольствій, вслѣдствіе чего среди юнцовъ была сильно развита уличная жизнь со всѣми ея прелестями. Не чувствуя надъ собой родительской опеки, дѣти круглый годъ проводили подъ открытымъ небомъ и въ лѣтнее время по цѣлымъ днямъ странствовали за городомъ, что имѣло и свои хорошія стороны: развивалась наблюдательность, любовь къ природѣ и закалялись здоровье и характеръ. Только въ аристократической средѣ дѣти находились подъ постояннымъ надзоромъ. Что касается уличной жизни въ смыслѣ движенія, то таковая была мало развита и шла вяло и монотонно; недаромъ многіе пріѣзжіе называли Вологду соннымъ городомъ. И правда, еще на центральныхъ улицахъ, въ родѣ Кирилловской или Московской, въ извѣстные часы можно было наблюдать нѣкоторые признаки движенія и жизни, но въ большей части города господствовала тишина, въ особенности зимою въ трескучіе морозы, когда обыватели одновременно съ курами укладывались спать. Только лѣтомъ по вечерамъ царило оживленіе на бульварѣ да по набережной, куда стекалась публика ради развлеченія. Излишне добавлять, что рынокъ также надо отнести къ самымъ оживленнымъ пунктамъ города. Въ описываемое время на рынкѣ можно было узнать отъ дошлыхъ людей рѣшительно всѣ городскія новости, начиная отъ новой шляпки у какой-нибудь Маланьи Сидоровны и кончая назначеніемъ другого губернатора. Въ этомъ отношеніи рынокъ вполнѣ можно было приравнять къ клубу.

Въ музыкальномъ отношеніи вологжане не были избалованы; въ то время господствовалъ единственный инструментъ—шарманка, заунывные звуки которой въ лѣтнюю пору неслись отовсюду, нагоняя невыносимую тоску на довольно пустынныя и безъ того унылыя улицы. Въ этихъ щемящихъ сердце, но нелишенныхъ нѣкоторой мелодіи звукахъ можно было найти полное отраженіе скудной впечатлѣніями и до одури однообразной жизни въ Вологдѣ въ описываемое время...

Нелишнее будетъ упомянуть и о предержащихъ властяхъ въ Вологдѣ въ то время. Во главѣ губерніи стоялъ губернаторъ, военный генералъ, Станиславъ Ѳаддеевичъ Хоминскій. Это былъ старикъ довольно высокаго роста, почтенной наружности, часто разгуливавшій по улицамъ города въ сопровожденіи своего ливрейнаго гайдука. Какъ администраторъ, Хоминскій былъ безусловно симпатичной личностью: простой въ обращеніи и для всѣхъ доступенъ, избѣгалъ всякихъ китайскихъ церемоній, а главное, былъ очень добродушенъ и отчасти оригиналенъ. Обыватели его любили и всегда съ привѣтливой улыбкой слѣдили за нимъ, когда онъ совершалъ свои ежедневныя прогулки. Добродушіе его доказывается слѣдующимъ пустячнымъ случаемъ. Во время одной изъ экскурсій по городу губернаторъ, идя по деревяннымъ мосткамъ, провалился одной ногой въ дыру. Случись это съ другимъ,—тотъ поднялъ бы тутъ такую пыль, что Боже упаси! Досталось бы на орѣхи и полиціи за недосмотръ, да и домовладѣлецъ, конечно, былъ бы оштрафованъ изрядно за небрежное содержаніе панели, а, главное, крику-то что было бы! Хоминскій же не обратилъ на это обстоятельство никакого вниманія, освободилъ застрявшую ногу и лишь спросилъ своего гайдука:

— А что, Семенъ, шпора цѣла?

— Цѣла, ваше п-во!

— Ну, слава Богу!—добродушно проговорилъ губернаторъ и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свой путь.

Отзывчивость и оригинальность Хоминскаго проявлялась довольно часто. Напримѣръ, однажды, возвращаясь изъ Петербурга, онъ встрѣтилъ на станціи Пречистое (гдѣ скрещивались вологодскій и ярославскій поѣзда) перваго въ Вологдѣ портного Ордина (который всегда на него работалъ), ѣхавшаго въ Москву. Увидавъ знакомаго, Хоминскій не преминулъ поговорить съ нимъ и на прощаньѣ спросилъ Ордина, не надо ли что передать его женѣ, оставшейся дома. Ординъ, принимая за шутку слова губернатора, попросилъ его передать своей женѣ поклонъ. Поѣзда тронулись въ разныя стороны. Пріѣхавъ вечеромъ въ Вологду, Хоминскій прямо съ вокзала прослѣдовалъ въ домъ Ордина, гдѣ магазинъ и мастерская уже были заперты, долго стучалъ въ калитку, встревожилъ всѣхъ, когда

узнали, что у воротъ самъ губернаторъ, но все-таки добился увидѣть жену Ордина и передалъ ей поклонъ отъ мужа.

Ординъ долго помнилъ этотъ случай и съ умиленіемъ разсказывалъ всѣмъ о такомъ вниманіи къ нему самого губернатора...

Военный элементъ составляли офицеры квартировавшаго въ Вологдѣ гарнизоннаго баталіона. Между ними также было не мало типичныхъ представителей добраго стараго времени. Въ особенности обращалъ невольно на себя вниманіе всѣхъ и каждаго майоръ Р., человѣкъ еще не очень старый, но обладавшій чрезвычайно полной фигурой. Онъ настолько былъ толстъ и неповоротливъ, что уже не могъ ходить пѣшкомъ, а всегда ѣздилъ на дрожкахъ въ сопровожденіи двухъ своихъ денщиковъ, которые ухаживали за нимъ какъ няньки. Интересно было наблюдать за нимъ, когда онъ, поддерживаемый подъ руки денщиками, усаживался въ экипажъ, возбуждая насмѣшливыя улыбки прохожихъ...

А сколько оригиналовъ, начиная съ наружности и кончая допотопными взглядами, водилось среди мелкихъ и средней руки чиновниковъ, заполнявшихъ разныя палаты и канцеляріи!..

Л. Александровъ.